

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

✱ I ✱

Сергей Алексеев

**Собрание сочинений. Том 1.
Орда. Куликово поле. Суровый
век. Цари и самозванцы.
Грозный всадник. Небывалое
бывает. Великая Екатерина**

Издательство «Детская литература»

2014

УДК 821.161.1-081
ББК 84(2Рос=Рус)6-я44

Алексеев С. П.

Собрание сочинений. Том 1. Орда. Куликово поле. Суровый век. Цари и самозванцы. Грозный всадник. Небывалое бывает. Великая Екатерина / С. П. Алексеев — Издательство «Детская литература», 2014

ISBN 978-5-08-005284-2

В первый том пятитомного Собрания сочинений известного детского писателя Сергея Петровича Алексеева (1922–2008) включены произведения, посвященные истории нашей Родины времен Ордынского ига, царствования Ивана Грозного, Смутного времени, повесть о народных восстаниях под предводительством Степана Разина, рассказы о великих преобразованиях России Петром I и продолжательницей его идей Великой Екатериной II. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-081
ББК 84(2Рос=Рус)6-я44

ISBN 978-5-08-005284-2

© Алексеев С. П., 2014
© Издательство «Детская
литература», 2014

Содержание

Азбука патриотизма	6
Орда. Куликово поле	17
Глава первая	18
Знак с неба	18
Пыль степная поднялась облаком	19
Калка	19
Обойдет стороной беда?	20
«Когда никого не останется...»	20
Евпатий Коловрат и его дружина	21
Княгиня Евпраксия и княжич Иван	23
Кушак	24
Молодые князья	25
Василько	26
Шуба	26
Нянька	27
Торжок	28
Ишка	28
Бату	29
Злой город	30
Карась	31
Веселое молоко	32
Встретились	33
Плакал	34
Крест	35
Спорили в Ладыжине	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Петрович Алексеев
Собрание сочинений. Том 1. Орда.
Куликово поле. Суровый век. Цари
и самозванцы. Грозный всадник.
Небывалое бывает. Великая Екатерина

- © Алексеев С. П., наследники, 2014
- © Алексеева В. А., 2014
- © Алексеева В. А., составление, 2014
- © Мотышов И. П., вступительная статья, 2014
- © Косильников Б. М., иллюстрации, 2014
- © Непомнящий Л. М., иллюстрации, 1982
- © Метченко Г. И., иллюстрации, 1990, 2014
- © Пчелко И. И., наследники, иллюстрации, 2007
- © Рытман О. Б., иллюстрации, 2014
- © Григоренко М. В., дизайн оформления, 2014

* * *

В данное Собрание сочинений известного детского писателя Сергея Петровича Алексеева (1922–2008) вошли произведения, посвященные различным периодам истории нашей страны, созданные им на протяжении почти полувека. Расположены они не в порядке их написания, а по хронологии событий, начиная от времени Ордынского ига до периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Рассказы и повести, собранные в пятитомнике, складываются в огромное историческое полотно, знакомящее юного читателя с выдающимися событиями и личностями нашей Родины, героическими и трагическими страницами ее прошлого.

Издание дополняют иллюстрации талантливых художников, в разные годы оформлявших книги С. П. Алексеева. Это дает современному читателю возможность увидеть художественное разнообразие манер и стилей, обогащает талантливое повествование неординарным визуальным рядом, помогает глубже понять характер описываемых эпох.

Азбука патриотизма

Вот уже несколько поколений юных читателей в нашей стране начинают знакомство с историей Родины с произведений известного детского писателя Сергея Петровича Алексеева (1922–2008). Его книги, появившиеся более полувека назад, и сейчас многократно переиздаются во многих издательствах с рисунками замечательных художников. Рассказы и повести талантливого автора включены в списки обязательной и рекомендованной к самостоятельному прочтению литературы для младших школьников.

Первой книгой писателя стал учебник. В 1952 году Министерством просвещения был объявлен конкурс на новый учебник «История СССР» для начальных школ. Вначале робкая, но со временем все более настойчивая, приходила Сергею Алексееву мысль попытаться свои силы. Возвращаясь с работы, садился к столу, окружая себя стопками учебников, исторических исследований, монографий. Читал, думал, набрасывал отдельные главы будущего учебника. Ставил перед собой задачу – просто, очень просто рассказать о сложном. Ведь история – наука куда более многогранная, чем, скажем, математика. Там все объективно, все предопределено. А в истории – сложнейшее взаимодействие объективных и субъективных факторов. Закономерность, необходимость прослеживается в переплетении мириад случайностей, воля истории складывается из сталкивающихся, противоборствующих усилий миллионов и миллионов людей.

Чтобы приблизиться к выполнению этой задачи, Алексеев старался так отбирать и группировать факты, чтобы каждый из них в отдельности освещал какую-то грань исторического события, несколько фактов в совокупности давали сложную и в основе исчерпывающую его картину, а сами картины складывались в систему, наглядно показывающую, куда и как идет история, что является ее движущей силой, как взаимодействуют в историческом процессе объективные и субъективные факторы, личности и массы, производительные силы и производственные отношения.

Работая над учебником, Алексеев должен был перечитать все, что было написано к тому времени для младшеклассников об отечественной истории. Это чтение навело его на невеселые размышления, что для детей издаются книги, рассказывающие о каких-то второстепенных событиях нашей истории, мало книг об основных, поворотных вехах в судьбе нашего государства и народа. Тогда он еще не думал, что сам станет успешно заполнять образовавшийся в детском чтении вакуум, увлекая на этот путь и других авторов. Внимание его было направлено на учебник. И наступил момент, когда готовая рукопись была отправлена на конкурс.

Потянулись месяцы ожидания. Наконец пришло решение жюри о присуждении учебнику С. Алексеева премии. Премирован был также учебник, написанный видным историком-методистом В. Г. Карцевым. Обоим авторам предложили, взяв за основу премированные рукописи, составить теперь уже общий, совместный учебник.

Учебник С. Алексеева и В. Карцева прошел все нелегкие стадии минпросовских обсуждений и утверждения, попал в школу, выдержал десять переизданий.

Победа на конкурсе окончательно убедила С. Алексеева, что отныне его будущее прочно связано с детской литературой. И по мере того как заботы детской литературы во все большей степени становились его личными заботами, зрело желание самому взяться за перо.

Алексеев стал детским писателем не только потому, что однажды почувствовал потребность писать для детей. Он шел к этому больше тридцати лет. Через детство в Плискове и отрочество в Москве. Через школу и аэроклуб. Через войну, летное училище, пединститут. Через редакторскую, литературно-критическую, организационную работу в Детгизе и Союзе писателей. Через создание школьного учебника истории СССР, который, пусть в самой отдаленной степени, был первым наброском-конспектом его будущих рассказов и повестей. И однажды

настал момент, когда все пережитое, прочувствованное, понятое, все слышанное, и читанное, и сделанное слилось в одно большое, громадное целое, настоятельно потребовало выхода и вылилось в Слове.

В 1958 году в Детгизе вышла первая книга С. Алексеева. Называлась она «Небывалое бывает». И хотя речь в ней шла о том небывалом, что случилось в отдаленную от нас эпоху грандиозных петровских преобразований, невольно думаешь, что есть в этом названии и смысл, относящийся к самому Алексееву. Ведь в его личной судьбе книга эта тоже была тем «небывалым», которое сбылось благодаря его целеустремленности, самодисциплине и творческой смелости.

Успех молодого автора был настолько убедителен и очевиден, что в издательстве ему немедленно предложили ему написать еще одну книгу.

– Я напишу о Куликовской битве, – ответил обрадованный автор. Мысль о книге на эту волнующую тему уже посещала его в дни работы над учебником.

Но лицо редактора энтузиазма не выразило.

– Такие книжки есть. А вот о крепостном праве ребятам прочитать фактически негде. Кроме «Муму» Тургенева.

Тема Алексеева не увлекла, и он сказал, что подумает. С тем и ушел домой. А пока шел, словно бы сами собой стали возникать один за другим эпизоды крепостной жизни, складываясь в сюжет повести. Дома он сразу засел за стол. Три недели промелькнули, как в трудном походе. Писал, зачеркивал, переписывал заново, изменял сюжет, перестраивал композицию. Никуда не выходил, ни с кем не встречался, спал тут же, возле стола, на диване, не раздеваясь. А через двадцать дней пришел снова в Детгиз к тому же редактору.

– Ну как, подумали над нашим предложением? – поинтересовалась редактор.

Вместо ответа Алексеев вынул из портфеля готовую повесть. Она вышла в том же 1958 году и опять была тепло встречена маленькими и взрослыми читателями. В заглавии этой повести Алексеев продемонстрировал верность себе, назвав ее «Историей крепостного мальчика», хотя традиция подсказывала слово «приключения».

Так в советскую детскую литературу пришел новый писатель. Писатель-историк.

Вот хронология основных книг Сергея Алексеева:

1958 – «Небывалое бывает». «История крепостного мальчика».

1959 – «Сын великана».

1961 – «Рассказы о Суворове и русских солдатах».

1962 – «Жизнь и смерть Гришатки Соколова», «Птица-слава».

1963 – «Братишка».

1964 – «Упрямая льдина», «Ленинская десятина».

1965 – «Снегирь».

1966 – «Грозный всадник», «Наш колхоз стоит на горке», «Сто рассказов из русской истории».

1967 – «Октябрь шагает по стране».

1968 – «Секретная просьба».

1969 – «Декабристы».

1971 – «Из истории нашей Родины».

1973 – «Два Антона» (совместно с Асеном Босевым).

1975 – «Идет война народная», «Сто рассказов о войне».

1978 – «Богатырские фамилии».

1980 – «Заколдованное слово» (совместно с Асеном Босевым), «Красные и белые».

1984 – «Срочное предписание».

1985 – «От Москвы до Берлина», «Двенадцать тополей», «Гвардейский разговор», «Главная специальность».

1990 – «Суровый век», «Рассказы о маршале Рокоссовском».

2001 – «Великая Екатерина».

2003 – «Охота на императора» (в соавторстве с В. Алексеевой).

2006 – «Цари и самозванцы» (в соавторстве с В. Алексеевой).

2007 – «Лебединый крик» («Орда») (в соавторстве с В. Алексеевой).

Много это или мало?

В одни годы, как можно видеть, у писателя выходило сразу по две книги. В иные – ни одной. Одни книги писались быстро, на едином дыхании. Другие складывались годами. Так, повесть «Грозный всадник» выросла за несколько лет из маленькой книжки рассказов о Разине.

Но количественный счет в литературе ничего не доказывает. Здесь важно не *сколько*, а *как*. Судя же по тому, что многие вещи С. Алексеева переиздаются ежегодно, выдержали более чем по десятку изданий, переведены на многие языки и у юных читателей пользуются неизменной любовью, работа писателя была успешной.

«Каждую свою книгу я переписываю по шесть-семь раз, – вспоминал С. Алексеев. – Работаю медленно, возвращаясь к тексту снова и снова. Стараюсь, чтобы в окончательном варианте не было никакой правки. Малейшее исправление или вставка заставляют меня переписывать рассказ заново. Долго раздумываю над тем, как начать, как кончить книгу. Стараюсь вслушиваться во фразу, добиваюсь ее музыкальности... Приступая к новой работе, обычно составляю план, но по опыту знаю, что план претерпевает изменения, и довольно неожиданные».

Работе над каждой новой книгой у С. Алексеева предшествовало изучение исторического материала, процесс «вживания» в эпоху, о которой предстоит писать. «Этот предварительный процесс, – говорил писатель, – напоминает подготовку строительства здания: сначала нужно запастись кирпичами. Если кирпичей не хватит, здание будет недостроенным. Если писатель не овладел необходимой суммой знаний, относящихся к изображаемой эпохе, литературное здание тоже будет выглядеть недостроенным, а то и вовсе рухнет. Сложность здесь состоит в том, что если для дома можно точно рассчитать количество заготовок, то процесс изучения исторического материала просто бесконечен. Можно так втянуться, что трудно бывает остановиться, хотя и чувствуешь, что пора приняться за главное. Но зато кропотливое, обстоятельное изучение эпохи затем всегда сказывается в момент непосредственного „делания“ произведения, хотя писателю вовсе не обязательно на каждой странице демонстрировать приобретенные знания...»

Не одни книги и архивные материалы питают фантазию писателя-историка. «Начиная с первой своей книги, – рассказывал Алексеев, – я стараюсь побывать на месте изображаемого действия. Изъездил тогда весь наш северо-восток: и Нарву, и Орешек, и Иван-город (книга „Небывалое бывает“ посвящена борьбе России за выходы к берегам Балтийского моря). Когда писал „Птицу-славу“, книгу рассказов об Отечественной войне 1812 года, пропутешествовал от западной границы по наполеоновскому маршруту на восток – к Москве, а затем по кутузовскому, по победоносному – на запад. Исколесил Дон и Поволжье, когда писал „Грозного всадника“ – книгу рассказов о Степане Разине».

Собирая материал о Великой Отечественной войне, писатель путешествовал особенно много. Работа растянулась на несколько лет. И за эти годы маршруты Алексеева вновь привели его под Ленинград и в Белоруссию, в Поволжье – к Волгограду, на Днепр и на берега других рек к западу от Москвы. Писатель побывал в местах Курской битвы, несколько раз выезжал в

Германскую Демократическую Республику и проехал всю Федеративную Германию – от Мюнхена до Гамбурга.

Перечитывая написанное Алексеевым, видишь как бы единое, целостное произведение, охватывающее историю нашей страны на многовековом отрезке времени – от событий времен монголо-татарского ига вплоть до наших дней. В полотне, нарисованном автором, имеются и пробелы, незаполненные места, но с каждым новым произведением Сергея Алексеева мест этих становилась все меньше. Все полнее, законченнее становилась огромная Книга Русской Истории в рассказах для детей.

Хотя повести Алексеева создавались им без какой-либо хронологической последовательности, они группируются в стройный ряд, где каждая последующая эпоха как бы вытекает из предыдущей и объясняет ее, а также дает начало и направление эпохе последующей. Связь тянется от Куликовской битвы к деяниям Ивана Грозного, от Смутного времени к восстанию Разина, к царствованию Петра, от него – к пугачевскому бунту, картинам народной жизни при крепостном праве, к походам Суворова, Отечественной войне 1812 года, восстанию декабристов и дальше – к подготовке пролетарской революции 1917 года, ее победе и Гражданской войне, к войне Великой Отечественной и послевоенному строительству новой жизни.

Разумеется, книги Алексеева не литературно-художественное приложение к школьному учебнику. Как бы ни были насыщены они историческими фактами, познавательным материалом самого разнообразного свойства, главный их смысл не в том, чтобы учить, а в том, чтобы воспитывать. И хотя нельзя противопоставить одно другому, крайне важно, *что* ставит автор на первое место. Именно тут проходит граница между художественной и так называемой деловой, познавательной книгой.

Для Алексеева в истории прежде всего важен гуманистический, нравственный момент. История изменчива: от эпохи к эпохе меняются материальная культура, обычаи, нравы, моды. Одни классы и сословия приходят на смену другим. Но сохраняется какая-то преемственность. Какая? В чем? Писатель отвечает на эти вопросы, показывая, как от поколения к поколению передается людьми эстафета трудолюбия и творчества, доброты и разума, любви и товарищества, честности и патриотизма, достоинства и чести. История предстает как трудный, но непрерывный *поступательный* процесс накопления и совершенствования опыта – социально-политического, индустриального, интеллектуального, нравственного.

История нашей Родины представлена в книгах Алексеева не так, как она дается в научных исследованиях и учебниках, где эпоха следует за эпохой, один исторический отрезок последовательно сменяется другим. Между временем действия повестей «Грозный всадник» и «Небывалое бывает» лежит тридцатилетие. Между повестью о Петре и книгой о Гришатке Соколове – без малого семь десятилетий. Еще пятнадцать лет проходит от гибели Гришатки до начала приключений крепостного мальчика Мити Мышкина. Тринадцать лет разделяют последний суворовский поход, описанный в «Рассказах о Суворове и русских солдатах», и войну с Наполеоном, ставшую предметом изображения в повести «Птица-слава». И дальше есть «пробелы»: одиннадцать лет от «Птицы-славы» до «Декабристов»; двадцать два года от «Декабристов» до боев на Шипке, изображенных в книжке «Два Антона»; еще четырнадцать – до первой маевки, о которой рассказано в цикле «Упрямая льдина». Нашли изображение в книгах Алексеева годы первых пятилеток, коллективизации, послевоенные годы... Он работал до последних дней, заполняя «пробелы» новыми книгами. Так, в 2001 году появились рассказы о Великой Екатерине, славной преемнице дел Петра I. В 2007-м были написаны «Орда. Куликово поле» о времени монголо-татарского ига. В ряду других занимают свое место рассказы об Александре Освободителе.

Однако, читая книгу за книгой – не в той последовательности, как они писались, а выстроенные в хронологическом порядке, – мы не заметим никаких разрывов. Напротив,

будем ощущать тесную связь одного времени с другим. Здесь уместно сравнение с колесами шестеренки. Эти «колесики», имеющиеся в каждой алексеевской книжке, очень хорошо подогнаны друг к другу, «зубчик» заходит за «зубчик», и, таким образом, движение передается с одного «колеса» на другое.

Факты перекликаются в книгах С. Алексеева подобно тому, как, сближая расстояния, перекликались в старину стоящие на дозорных башнях часовые. И вот результат: далекая история становится близкой. Время предстает в его непрерывности. И это для читателя первая ступень, необходимое условие понимания закономерностей исторического процесса. Потом ему уже много проще перейти от внешней переклички фактов к таящейся в глубине контекста перекличке идей, мыслей, проблем.

Каждая книга – это блестящий урок отечественной истории, где вскрыты *тенденции* определенного исторического этапа, проанализированы сильные и слабые стороны общественного развития.

Нет нужды специально объяснять, сколь важно для ребят то близкое знакомство с прошлым, какое дают книги Сергея Алексеева. «Историческая образованность, – писал выдающийся педагог В. А. Сухомлинский, – важнейшая ступень на пути к моральному самовоспитанию. Никогда человек не переживает так глубоко чувства долга перед Родиной, как в те часы размышлений над судьбой Отчизны, когда он сам мысленно повторяет путь, пройденный своим народом, видит и ощущает себя как частицу народа».

Когда создавался журнал «Детская литература», главным редактором которого многие годы являлся С. Алексеев, К. Симонов, напутствуя его будущих авторов, писал: «Для того чтобы воспитывать детей... чтобы из детей вырастали хорошие, настоящие люди, убежденные в правоте дела своих отцов, им нельзя лгать. Им нужно говорить правду обо всем, в том числе и об истории нашего общества.

И если эта правда – сложная правда, – а это так, то все равно нельзя уклоняться от нее или обходить ее, мотивируя это возрастом читателей и незрелостью детского мышления. Надо находить простые слова для выражения сложной правды. Другого пути нет.

Этот путь требует размышлений, труда, мастерства. Но он все равно единственный».

Сергей Алексеев сам последовательно придерживался этих пожеланий как автор детских книг. «Читатель – как он ни мал – должен ощущать противоречия истории, – утверждал Алексеев. – Известно, что Суворов участвовал в подавлении польского восстания, разбил Костюшко, сопровождал пленного Пугачева. Как рассказать об этом детям младшего школьного возраста?» Как, пользуясь формулой Симонова, «найти простые слова для выражения сложной правды»?

Остаться верным этой правде и притом показать давний факт фактом нестареющим, вечным – такова одна из самых больших сложностей детской исторической литературы.

Положительные герои книг С. Алексеева – исторические личности: Разин, Петр I, Суворов, Пугачев, Кутузов, руководители восстания на Сенатской площади, Ленин, прославленные полководцы Великой Отечественной войны... Но личности-то разные, даже порой противоборствующие. Много ли, судите сами, может быть общего у императора-самодержца и неприимимого врага самодержавия? Даже Суворов и Кутузов, при их профессионально-сословной близости, разнятся не только по характеру, но и по их месту в истории. Понятно, что в задачу писателя-историка входит и необходимость показать эти различия, нередко имеющие коренной и принципиальный характер, подчеркнуть степень исторической правоты и неправоты каждого в отдельности героя его произведений.

Основные принципы изображения исторического персонажа были намечены Алексеевым уже в его первой повести. Надо было дать детям короткую, легкочитаемую и легкоусваиваемую книгу, в которой историческая эпоха была бы представлена сгустком самого для нее

характерного. Ведь повествование о герое с первых его шагов по земле грозило бы затянуть подход к самому главному.

С. Алексеев начинал с того, чем до него историческая литература для младшего возраста обычно заканчивала, – он показывал героя-взрослого в самом зените его деятельности. Нельзя сказать, чтобы писатель здесь во всем был первооткрывателем. Но книги о взрослых героях либо адресовались более старшим – подросткам и юношеству, либо адаптация заходила в них столь далеко, что сама история представляла фоном, оставляя преимущественному вниманию читателя перипетии индивидуальной судьбы или особо любопытный факт, случай, событие.

Пожалуй, Алексееву первому удалось столь широко и полно соединить общедоступность изображения «взрослой» жизни, интересной и младшему школьнику.

Когда мы говорим, что библиотечку исторических книг С. Алексеева можно было бы, не боясь преувеличений, назвать *азбукой патриотизма*, мы имеем в виду, что речь в этих книгах идет как раз о тех основополагающих моментах, которые и образуют психологическую почву патриотического поведения.

Так произведения убеждают маленького читателя в традиционности для России политики мирного сосуществования с другими народами, пробуждают доброе, гостеприимное отношение к тем, кто идет к нам с миром.

Книги С. Алексеева учат сизмала дорожить добрыми обычаями своей страны, народа, не преклоняться перед иноземным только потому, что оно иноземное, не ронять достоинства и чести своей нации. Характерен в книге о Разине рассказ «Чалма». Завладевший при разделе персидской добычи роскошной шелковой чалмой казак Симошка напялил ее на себя и, похвально диковинным убором, пошел гулять по Астрахани. Встретил его Разин и, ткнув в казака пальцем, спросил: «Турок?»

Долго объясняет Симошка атаману, что он донской казак, а Разин все делает вид, будто перед ним турок. Наконец туповатый Симошка догадывается, бежит в ближайшую лавку и обменивает чалму на смушковую казацкую шапку. «Ну, теперь вижу, что ты казак», – отпускает Симошку Разин.

С «Чалмой» перекликается рассказ «Французская шапка» из «Птицы-славы». Он – про мальчика Агапку, партизанского сына, который «мечтал о французской шапке. Той, что носят гвардейцы, – из медвежьего меха, с высоким красным султаном и медной бляхой». Досталась мальчишке желанная шапка от отца-партизана. Надел Агапка трофей, бежит по улице, хвастается перед другими мальчишками.

«Обозлились мальчишки:

– Француз. Бей, колоти француз!

Достается Агапке. Будь ты проклята, эта шапка!» – заканчивается рассказ.

Схожие истории есть во многих книжках С. Алексеева. В «Рассказах о Суворове и русских солдатах» Суворов убийственно высмеивает некоего поручика Козодубова, который «во всем подражал французам». При обмене с французами пленными фельдмаршал не то в шутку, не то всерьез предлагает выменять завязтого галломана на русского солдата. Вконец напуганного поручика с его «нерусской душой» Суворов наконец отпускает в полк, но с напутствием: «Иди думай. Гордись, дурак, что ты россиянин!»

Отношением к Родине писатель и его герои выверяют глубину зрелости и мудрости человека. Небольшой рассказ «Шапку об землю» («Птица-слава») описывает встречу Кутузова с партизанскими вожаками – как раз перед окончательным изгнанием наполеоновского воинства с русской земли. Хороший, умный идет разговор у великого полководца с героями, которых выдвинул, вырастил сам народ. Партизаны отдают должное мужеству и воинскому умению противника, понимают, что победили не столько силой, сколько духом – у них, в отличие от захватчиков, была в войне великая и благородная цель. И тут кто-то осторожно задал вопрос относи-

тельно крепостного права: не будет ли воли народу-победителю, спасшему Русь от позорного порабощения? Кутузов не нашелся, что ответить. Да и что ответишь? «Он ведь только над войском начальник». И вот возвращаются партизаны, и самый молодой в сердцах бросает шапку об землю: «Только напрасно с французами бьемся! Жизнь свою рискуем». А самый мудрый, немолодой, в боях изувеченный, отвечает ему: «Тут вещи не равные – разные. Баре есть баре. Россия – Россия!»

Пожалуй, никакому другому замыслу не отдал С. Алексеев столько сил и труда, сколько потребовала для своего осуществления мечта писателя рассказать читателям младшего возраста о Великой Отечественной войне советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Участник войны с первого ее дня, С. Алексеев вынашивал этот замысел на протяжении всей своей творческой жизни, вначале как смутное и беспокоящее желание поделиться с новыми поколениями восхищенным преклонением перед народным подвигом, с течением времени – как все более ясно осознаваемый гражданский долг, неотложную обязанность перед грядущим временем. За пятилетие 1975–1980 годов им опубликованы четыре книги: «Идет война народная», «Сто рассказов о войне», «Богатырские фамилии» и написанная совместно с А. Босевым книга «Заколдованное слово», включившие в общей сложности около трехсот рассказов.

Сегодняшний восьми – десятилетний школьник по этим книгам может составить себе эмоционально-впечатляющую, психологически и фактически достоверную картину прошлого, представить, каким неимоверным напряжением сил и жертвами оплачены свобода, мирное счастье нашей страны.

Алексеев и замыслил дать детям такое чтение, которое в доступных им картинах и образах представило бы своего рода диораму великой битвы советского народа с фашизмом на всем ее пространстве – от Баренцева моря до Черного и от московских рубежей до Берлина.

Книга «Идет война народная» рассказывает самым маленьким читателям о Великой Отечественной войне с ее начальных дней и до Победы. Все впечатления бытия, все знания приходят к маленьким впервые. Как трудно и важно найти верный тон, отобрать эпизоды, выбрать сюжеты, раскрыть характеры! Сергею Алексееву это удалось. Книгу, как и многие другие произведения, составляют рассказы. Они коротки, лаконичны, сюжетны, образы людей, действующих в них, ярки и живы. С. Алексеев создал своего рода «военную энциклопедию», значение которой в патриотическом воспитании ребят младшего возраста нельзя переоценить.

Чем дальше отодвигается от нас историческое событие или эпоха, тем большее значение приобретает литературный рассказ о них. Историческая память – основа национального самосознания, неиссякаемый родник патриотических чувств. Зная прошлое, человек лучше понимает настоящее, увереннее смотрит в будущее.

Уроки истории – это вечно живая наука, особенно необходимая для вступающих в жизнь поколений. То, что взрослому представляется вполне ясным и знакомым, иной раз и по личному опыту, для маленького человека всегда «терра инкогнита» – земля неведомая, которую он открывает для себя заново.

Едва ли среди книг Сергея Алексеева отыщется такая, где не стоял бы редакционный гриф – «Для младшего возраста». Основной читатель этих книг (а иногда еще только слушатель) – старший дошкольник и учащийся начальной школы. По произведениям С. Алексеева дети знакомятся с отечественной историей, получают первые – и, значит, особенно важные – фундаментальные представления о прошлом страны, народа.

Вот почему писать для младших читателей – дело очень ответственное. Пожалуй, главная трудность – необходимость адекватной детскому восприятию формы. Если в литературе

для взрослых охват и степень осмысления жизненного материала диктуют автору выбор соответствующего жанра – рассказ, повесть, роман или многотомная эпопея, – мобилизуя для решения идейно-художественной задачи все многообразие выразительных средств, которыми располагает искусство слова, то в литературе для младшего возраста дело обстоит по-иному. Набор выразительных средств здесь крайне ограничен. Не случайно в книге для малышей столь прочно привились жанры ультракороткого рассказа и небольшого стихотворения. Книжки же солидного объема, вроде «Что я видел» Б. Житкова или «Лесной газеты» В. Бианки, редки настолько, что их можно сосчитать по пальцам. Пишущий для младших ребят испытывает при решении масштабных задач трудности, близкие к тем, с какими сталкивается современный архитектор при строительстве жилого массива из унифицированных деталей. При этом сопротивление материала растет пропорционально его количеству. И надо обладать особым мастерством и терпением, чтобы из немногих словесных «кубиков» сложилась подлинная эстетическая ценность, а не унылый монстр, способный удивить разве что величиной повторяющегося однообразия.

Не каждый литературно одаренный человек способен написать хорошую книжку для маленьких. У С. Алексеева есть определенный, может быть даже врожденный, дар разговора с ребятами младшего возраста. И дар этот усилен глубоко осмысленным, сознательным подходом к своей работе. «Главное в детской книге, – считал С. Алексеев, – ...не разъяснения, а динамика, действие, характер, вырастающий из поступка. Такой действенный характер ребенка быстро схватывает, чувствует его».

Однако как достигнуть динамики в книге, которая, будучи достаточно объемной (от 3 до 10 авторских листов), в то же время адресовалась бы читателю, для которого процесс чтения представляет известную трудность, а внимание не привыкло задерживаться подолгу на одном предмете, даже если этот предмет и пребывает в непрерывном движении? Опыт литературы подсказывал давно апробированное решение: писать книгу *приключений*. Так написаны «Золотой ключик», «Доктор Айболит» и все волшебные сказки. В центре – один главный герой (внимание читателя не рассеивается), и с этим героем непрерывно происходит нечто новое и волнующее (внимание читателя не устает).

Для исторических произведений такой способ изображения подходит в некоторых случаях. Но не всегда. Когда Алексеев писал «Историю крепостного мальчика», «Сына великана», «Братишку», он, несомненно, оглядывался на традиционный приключенческий роман, наложивший отчетливый отпечаток на все виды жанровой детской повести – от биографической до школьной. В этих вещах писатель мог дать известный простор сюжету, поскольку не был связан обязательностью исторического материала.

Но как быть, если в центре повествования оказывается не историческое явление как таковое (крепостное право, революция, Гражданская война), а конкретное историческое лицо или сжатое во времени, но разветвленное в пространстве историческое событие (Разин, Пугачев, Петр I, война 1812 года, восстание декабристов)? Как быть, если ставится задача показать исторический факт не в преломлении индивидуальной судьбы (что неизбежно ограничивает поле зрения писателя), а в собственной его многогранной сущности? Тут автору нет иного выбора. Либо история превращается в антураж, подсобный материал, фон для приключений героя, как у Дюма, либо приходится жертвовать интригой в пользу исторической правды.

Получается вроде бы заколдованный круг. Во втором случае несет ущерб занимательность. В первом утрачивается что-то важное в масштабах и глубине изображения исторической действительности. Противоречие, похоже, неразрешимое. Но С. Алексеев его успешно разрешил. Ему помогли новаторские достижения советской детской литературы – прежде всего опыт Б. Житкова, В. Бианки, М. Ильина. По сути, Алексеев открыл возможность применения к изображению исторической реальности той самой формы, которую Житков в книге «Что

я видел» использовал для изображения реальности повседневной, Бианки – для рассказа о жизни природы, а Ильин – для «рассказов о вещах».

За основную «строительную единицу» брался традиционный тип коротенького рассказа для малышей, в котором наша детская литература достигла еще в 1930-е годы высочайшего совершенства. Вспомним хотя бы пришивинские миниатюры из его книг «Золотой луг», «Лисичкин хлеб», «Дедушкин валенок» и др. У С. Алексеева эта форма становилась своего рода «атомом» в сложной «молекуле» объемного произведения. Каждый такой рассказ-«атом» можно уподобить отдельному кусочку смальты в мозаичной картине. Он соотносится с общим замыслом, темой, сюжетом произведения. Он – необходимая часть целого. Но в то же время он и вполне самостоятелен. В нем – свой образ, сюжет, тема, своя завершенность. Он – часть. Но он же и целое. Причем искусство рассказывания заключается еще и в том, чтобы по своей словесной структуре, по интонации один рассказ не повторял другой, как не повторяются части музыкального произведения. Переключки не должны превратиться в монотонность.

Краткость отдельного рассказа (у Алексеева обычно от двух до трех страничек машинописного текста) служит необходимым, хотя и не единственным условием динамики произведения в целом. Одновременно краткость есть также одно из условий доступности книги читателю.

Из таких внутренне завершенных рассказов строятся Алексеевым не только тематические циклы («Упрямая льдина», «Октябрь шагает по стране», «Секретная просьба») или «бессюжетные» повести в рассказах («Небывалое бывает», «Рассказы о Суворове и русских солдатах», «Идет война народная»). Из них построены и книги с традиционным сюжетом – «История крепостного мальчика», «Братишка», «Сын великана».

Занимательность книг Алексеева обусловлена не только их динамичностью. Автор не боится оставить читателя один на один с историческим фактом, сознавая, что в ряде случаев неприкрашенный факт (геройский поступок, благородное движение души, даже цифра, если она характеризует трудовое усилие, величину противоборствующих сил или размеры стоящего на пути препятствия) обладает в глазах ребенка не меньшим интересом, чем удивительное сцепление фактов. Алексеев приближает к душе читателя действительность прошедших эпох также и тем, что населяет ее близкими читателю персонажами – детьми. Близкими по психологии, по мировосприятию.

Но это не всё. Из многообразия фактов и событий, имеющих под рукой писателя-историка, Алексеев отбирает прежде всего такие, которые одновременно могли бы нести по меньшей мере две функции: объяснить ребенку важную общественную истину и развлечь его. Если такого рода фактов оказывается у писателя недостаточно, то он прибегает к домыслу и даже к вымыслу, «дописывая» историю в ее собственном духе, почти всегда безошибочно с точки зрения тенденций общественного развития или характера исторического лица. Но всегда реальный или примысленный факт выполняет двойную роль. Нет рассказов, написанных исключительно для занимательности, как нет и рассказов, лишенных ее.

Проза Алексеева очень эмоциональна и музыкальна. Когда писатель хочет подчеркнуть напряженность чувств своих героев или драматизм их положения, он прибегает к излюбленной форме сказа.

Сказовость пронизывает в книгах Алексеева не только авторскую речь, но и речь персонажей, особенно если это представители народа. Казак-разинец отвечает мужику, спрашивающему, кто они такие: «Люди залетные. Соколы вольные. Ветры весенние...»

Когда писатель говорит о борцах за народное счастье, его слог приобретает былинную музыкальность и метафоричность. «Присоединились к разницам где-то в пути крестьянские парни Егор и Яков. Оба статные, оба крепкие. Богатырское что-то у них в сложении. Гнет

подковы Егор, как гвозди. Вырывает с корнем березки Яков. Дунет Яков – шапка с любого летит долой. Притопнет Егор – земля, как живая, дрогнет».

Порой в подобных конструкциях гиперболизм образа (как это характерно для русской былины) переходит границы реально возможного. Сказ превращается в сказку. Такая особенность авторского стиля свидетельствует не только о его народности. Она великолепно отвечает особенностям детского мировосприятия. Психологи давно отметили, что в дошкольном и младшем школьном возрасте реальность и фантастика не расчлняются в сознании ребенка с той неукоснительной безусловностью, с какой они противостоят друг другу в сознании взрослого человека. Каждый ребенок в это время – поэт. Он осваивает окружающую его реальность и одновременно творит свой собственный мир. При этом (что важно отметить) дети остаются в своем мироощущении, несмотря на всю их тягу к фантазированию, стихийными реалистами. Они очень свободно устанавливают для себя подлинное соотношение между миром поэтическим и миром подлинным.

Именно в силу этой особенности детского сознания столь популярным жанром у ребят всегда была и останется сказка. Но из-за тех же самых причин нет ни малейших оснований бояться в реалистической книге для младшего возраста сказочно-былинной условности.

Ритмизованная проза С. Алексеева имеет свои особенности. Писатель обратился к ней не сразу; в первых книгах (до «Птицы-славы») она – если не считать отдельных ритмизованных фраз, напевных инверсий – еще отсутствовала. И вначале использование ритма, свободного и белого стиха, а также связанных с ними приемов устной поэзии у Алексеева весьма осторожно. Но от книги к книге они становятся для писателя привычнее, он ищет всё новые возможности и сферы их применения. Уже в повести «Наш колхоз стоит на горке» вступительная главка написана не просто правильным четырехстопным хореем, но отчасти и в рифму. Ее можно записать, как стихи:

Глянешь вправо – даль лесная.
Глянешь влево – рожь густая.
Станешь к югу —
Речка с лугом.
Повернись быстрее на север —
Вика, мята, просо, клевер...

В книгах «Идет война народная» и «Богатырские фамилии» стихи в прозе служат возвышению авторского повествования до подлинного пафоса. Прочтите рассказ «Матросское сердце». Это маленькая поэма, героем которой является отважный, неsgiбаемый, почти былинный моряк, который «ранен, контужен, увечен, калечен. Снарядами мечен. Минами сечен».

В рассказе «Лопата» писатель слагает гимн простой саперной лопате, которая в руках истинного патриота может превратиться в грозное боевое оружие. «И взмах лопаты, как взрыв снаряда. И если надо, она копает. И если надо, она стреляет».

Книги Сергея Алексеева живут своей «книжной» жизнью: их читают сотни тысяч ребят, по ним познают мир, родную историю, сами растут вместе с полюбившимися героями. Эти книги живут в *нашем* времени, оказывая на него свое влияние.

Лев Кассиль отметил в предназначенной для издательства так называемой внутренней рецензии, что «писателю удастся... сочетать высокую познавательность с подлинной увлекательностью. Предельный лаконизм, живая легкость языка, точность находок, позволяющая по-своему, заново раскрыть перед ребятами очень важные моменты... ярчайших эпох в истории нашей Родины, – все это делает рассказы С. Алексеева... чрезвычайно ценными как с воспи-

тательной, так и с чисто литературной точки зрения. А умение передать своеобразие характеров... и великолепный, точный и образный язык придают произведениям Алексеева подлинную прелесть».

И дальше Лев Абрамович, напутствуя начинающего автора, высказал мнение поистине прозорливое. Он сказал, что рассказы «Сергея Алексеева являются определенным событием в нашей детской художественной исторической прозе». Что «они хрестоматийно просты и войдут в круг любимого чтения школьников, способствуя созданию у детей верных представлений о важных делах русской истории. И в то же время они доставляют настоящее удовольствие каждому, кто любит литературу умную, ясную, проникнутую веселым и свежим взглядом на жизнь, на историю».

И. Мотяшов

Орда. Куликово поле В соавторстве с В. А. Алексеевой

В XIII веке Руси пришлось вынести очень тяжелые испытания. С востока на нее обрушились полчища Чингисхана. Это был сильный, опытный правитель Золотой Орды. Его войскам удалось захватить множество земель в Средней Азии, Закавказье, Европе. В 1223 году они подошли к границам русских земель и разбили дружины русских князей на реке Калке. Захваченные города и сёла грабили и сжигали, пленных воинов уводили в рабство, а жителей заставляли платить дань. Начались тяжелые для Руси годы монголо-татарского ига. Но несмотря на все страшные невзгоды, русским людям удалось восстановить и собрать силы для сопротивления.

В середине XIV века самым сильным правителем в Золотой Орде стал хан Мамай. Весной 1380 года он дошел до Дона и намеревался не просто осуществить набег с целью грабежа и увеличения размеров дани, а полностью захватить и поработить русские княжества.

Узнав о надвигающейся угрозе, великий князь Дмитрий Иванович, названный впоследствии Донским, сумел спешно собрать войско и в верховьях Дона, на Куликовом поле, нанес решительное поражение монголо-татарским завоевателям. Русь торжествовала победу. И все же еще целых сто лет русские люди страдали под тяжестью ига, прежде чем им удалось окончательно освободить свои земли.

Глава первая Нашествие

Знак с неба

Мальчишки Кукша Осина и Мина Кольцо валялись в крестьянском поле. В небо смотрели. Звезды считали.

День приближался к концу. Серело, темнело небо. Загорались над головами первые звезды.

– Одна, вторая, третья, – считает Кукша Осина.

– Одна, вторая, третья, четвертая, – считает Мина Кольцо.

– Вижу еще одну! – кричит Кукша.

– Вижу еще одну и еще одну! – голосит Мина.

Хорошо им валяться в душистых травах. В небо смотреть. Звезды считать. Тишина. Теплота. Красота. Благодать.

И вдруг... Ослепило мальчишек небо. Вспыхнула прямо над ними огонь-звезда. Яркая-яркая, словно осколок солнца.

Зажмурился Кукша, зажмурился Мина. Открыли снова они глаза. Оставляя огненный след, в небе неслась комета.

Бросились от страха мальчишки лицом на землю.

– Боженька, помоги!

Потом вскочили на ноги, помчались к дому. А над головами все светила, светила огонь-звезда. И яркий луч тянулся, как хвост, по небу.

Прибежали друзья в деревню. Отродясь не бывало у них такого. Метались люди, собаки лаяли, кони ржали, коровы мычали. Козы и овцы блеяли. Не к месту, не к сроку вдруг истошно заголосил какой-то шальной петух.

Страх охватил зверей. Страх охватил людей. Семь дней подряд с наступлением темноты появлялась комета на небе.

И снова метались люди, лаяли собаки, ржали кони, мычали коровы, козы и овцы блеяли. И снова до хрипоты голосил петух.

Потом с неба ушла комета.

Не кончились этим беды. Лето вдруг стало страшно сухим. Загорелись леса в округе. Тлели болота. Смерд стоял над землей. Густые облака закрывали солнце. Задыхались от жары и дыма звери и люди.

Но и это еще не всё. В колодце у деда Путилы вдруг исчезла вода.

– У деда Путилы в колодце исчезла вода, – шептались в испуге люди.

Коза Марефа у тетки Варвары вдруг перестала доиться.

– У тетки Варвары коза Марефа перестала доиться, – ахали в страхе.

Шальной петух вдруг лишился голоса. Всё у того же деда Путилы выпала борода.

В тот год над всей русской землей пронеслась комета. Долго еще замирали в ужасе люди:

– Знак с неба. Недобрый знак.

Пыль степная поднялась облаком

Поле. Огромное поле. Степное раздолье. Дорога уходит вдаль.

Выскочил суслик из норки. Выбрал пригорок. Привстал. Замер. Глянул направо. Глянул налево. Зорко вперед всмотрелся – туда, где видна дорога.

Что там закрубилося вдали? Пыль степная поднялась облаком. Ближе, всё ближе облако. Слышится стук копыт. Это движется конница. Ближе всё кони. Ближе.

Покинул поспешно пригорок суслик. Шмыгнул к себе в норку. Затих.

Прошли тем местом конные. Снова суслик из норки выглянул. Видит: новый идет отряд.

Вид у всадников необычный: скулы широкие, глаза маленькие, приплюснутый нос, редкие волосы на подбородках. Лук у каждого, колчан, наполненный стрелами, боевой топор, веревка к седлу приторочена. Лошади низкорослые, но ладные, крепкие на ноги.

Снова спрятался в горку суслик. Выждал время. Вновь, как солдатик, на взгорке замер.

Конные шли с востока. С той стороны, откуда восходит солнце. Шли отряды один за другим, как волны в просторном море. Двигались тысячи всадников.

Засмотрелся на конных суслик. Потерял осторожность. Не спрятался вовремя в норку. Оказался в кругу верховых. Заметался он между конскими копытами. Туда-сюда, туда-сюда. Ищет норку. Нет норки. Затаптали домик суслика лошадиные ноги. Затаптали и суслика.

С востока, из азиатских степей, к русским землям приближались грозные завоеватели. В истории они получили название монголо-татары.

Калка

Монголо-татары жили далеко на восток от России. Они создали там свое могучее государство. Во главе него стоял сильный правитель и опытный полководец Чингисхан.

1123 год. Южная даль России. Соседние с Русью половецкие степи. Река Калка. Здесь, у берегов Калки, и произошла первая схватка русских людей с отрядами, посланными на Русь Чингисханом.

Против монголо-татар сразу выступило несколько русских князей. Трое из них – Мстиславы: Мстислав Галицкий, Мстислав Черниговский, Мстислав Киевский.

Не стали князья ждать подхода врагов к границам России. Выступили к ним навстречу.

Идут дружины Мстислава Галицкого.

Идут дружины Мстислава Черниговского.

Идут дружины Мстислава Киевского.

Идут дружины других князей.

Дошли они до реки Днепр, переправились через Днепр, вступили в половецкие земли. Половцы были нашими соседями. Нередко они вместе с русскими объединялись против общих врагов. Так было и на этот раз.

Улыбнулась поначалу князьям удача. Разбили они передовой монголо-татарский отряд. Пошли смело вперед. Шли восемь дней. Достигли реки Калки, где находились главные ханские войска.

Однако переоценили князья свои силы. К тому же не было в их рядах единства. Не хотели они иметь ни общего командира, ни общего плана, как лучше действовать, чтобы победить грозных пришельцев. В главной битве половцы и русские князья были разбиты. Князь Мстислав Киевский и еще два русских князя оказались в плену у врагов. Смерть их была ужасной.

Князей связали веревками. Бросили на землю. Сбили из досок настил. Положили его на пленников. Уселись монголо-татары на деревянный настил. Устроили победный пир.

– Смерть урусам! Смерть урусам! – кричали они. Так монголо-татары называли русских.

Давили, впивались доски в тела несчастных. Погибли Мстислав Киевский и его товарищи.

Разбиты на Калке княжеские дружины. Страшная угроза нависла над Русью.

Обойдет стороной беда?

На Руси ожидали большой беды. Однако после Калки монголо-татары вдруг остановились, развернулись и ушли назад в свои азиатские степи. Таков был приказ Чингисхана.

Вдохнули облегченно русские люди:

– Может, обойдет стороной беда. Может, мимо пройдет война.

Торжествовал Прокоп Никуда. Мужик он озорной, бедовый.

– Ушли! Хоть и побили наших Мстиславов, да, видать, поняли: кишка у них против нас тонка!

Вторит ему и Паслей Нуда:

– Конечно, кишка тонка. Да мы их – скулы широкие, бороды редкие. Пусть только заново сунутся – в рог бараний в момент согнем.

– Раз ушли – значит, мы победили! – кричит Прокоп Никуда.

– Испугались! – кричит Паслей Нуда. – Хвосты поджали. Выпьем за нашу победу!

Налили в кружки хмельную брагу.

– За нашу победу! За нашу победу!

Прошло пять лет. Не появляются больше монголо-татары.

– Я что говорил? – кричит Прокоп Никуда. – У степняков против наших кишка тонка!

– Я что говорил? – кричит Паслей Нуда. – Хвосты степняки поджали.

Прошло десять лет. Ни слуха ни духа о восточных завоевателях.

Снова Прокоп Никуда кричит про кишку.

Снова Паслей Нуда кричит про хвосты.

Прошло целых четырнадцать лет. Тишина на границах Русского государства.

И вдруг... Ошиблись Прокоп Никуда и Паслей Нуда. Ошиблись и многие другие. Не обошла стороной беда. Не прошла мимо война. Поход к Калке был лишь боевой разведкой монголо-татарских ханов.

«Когда никого не останется...»

1237 год. Декабрь. Стужа стоит на дворе. Лютует, лютует, трещит мороз. Замерзают в полете птицы.

Рязанский житель Степан Колесо принес в город страшную весть. Был он в гостях в дальнем селе, у свата. А сват был в гостях в еще более дальнем селе, у зятя. А зять был совсем далеко, в гостях у шурина. Короче, от шурина к зятю, от зятя к свату, от свата к Степану Колесу передалось: враги снова идут на Русь, к рязанским местам приближаются.

К границам Руси подходила огромная трехсоттысячная монголо-татарская армия. Скончался к этой поре Чингисхан. Вел войска его внук – хан Батый.

Примчался Степан Колесо в Рязань.

– Враг идет, враг! Тысячи! Тьма!

Вскоре монголо-татары вступили на рязанскую землю.

В то время Русь не была единым государством. Состояла она из многих независимых самостоятельных княжеств: княжество Рязанское, княжество Владимирское, княжество Черниговское и другие. Не всегда между собой эти княжества жили в дружбе.

Обратился князь рязанский Юрий Игоревич к своему соседу, князю владимирскому, тоже Юрию, к Юрию Всеволодовичу:

– Помоги, княже, врага разбить.

Не помог князь Юрий Всеволодович князю Юрию Игоревичу.

Обратился рязанский князь к другому соседу, князю черниговскому:

– Помоги, княже, врага разбить. Вместе же силы двоятся.

Не помог князь черниговский.

Подожли монголо-татары к Рязани, кричат:

– Сдавайтесь! Сдавайтесь!

Направили они к князю Юрию Игоревичу своих послов. Требуют послы, чтобы Рязань сдалась без боя. А кроме того, чтобы жители города выплатили монголо-татарам огромную дань.

Князь Юрий Игоревич ответил:

– Не быть тому. Не водится такого на Руси, чтобы сдаваться. – Помолчал и добавил: – Когда никого из нас не останется в живых, тогда все будет ваше.

Монголо-татары начали штурм Рязани.

Вместе со всеми защищал родной город и Степан Колесо. Сражался отважно, бился упорно, повторял слова своего князя:

– Будем держаться, пока никого в живых не останется...

Запылали деревянные стены Рязани.

Запылали дома Рязани.

Грозен в бою Степан Колесо. Стойки другие. И все же врагов больше. Враги сильнее.

Пять дней держалась Рязань, пять дней упорно сражалась. Погибали защитники города один за другим. Однако держали данное князю слово:

– Пока никого не останется!..

– Пока в живых никого не останется!..

Не осталось защитников города. Полегли они в битве с врагами. Погиб и Степан Колесо. Захватили Рязань монголо-татары. Добивали последних жителей. Был убит и рязанский князь Юрий Игоревич. Убили враги и его жену, и его мать, и всех приближенных князя.

Догорала Рязань. Страшное пепелище осталось на месте города.

Лишь много-много лет спустя возродилась Рязань. Да и то не на старом – на новом месте.

Евпатий Коловрат и его дружина

Евпатий Коловрат был боярином, командиром одной из рязанских дружин. Когда монголо-татары напали на Рязанское княжество, он со своей дружиной был далеко от родных мест.

Приказал Евпатий Коловрат быстрее седлать лошадей, поспешил на помощь Рязани.

Стремительно передвигались дружинники Евпатия Коловрата. Торопились.

Верста за верстой. Верста за верстой. Редкие остановки. Короткий отдых. Накормят люди коней, напоят. Опять в дорогу.

– Эй, не отставай последний!

Верста за верстой. Верста за верстой. Накормят люди коней, напоят, опять в дорогу.

Торопились дружинники Евпатия Коловрата и все-таки опоздали.

Разгромили, сожгли к их приходу монголо-татары Рязань. Пошли на соседний Владимир.

Бросилась дружина Евпатия Коловрата догонять врагов.

– Нас же мало, – проговорил кто-то.

– Храбрость рождает силу, – ответил Евпатий Коловрат.

Снова бежит дорога. Верста за верстой. Верста за верстой. Догнали дружинники монголо-татар.

– Нас же мало, – снова напомнил кто-то.

– Храбрость рождает силу, – опять ответил Евпатий Коловрат.

Обрушились отважные русские воины на врагов. Заработали мечи, булавы, боевые палицы.

Жаркой была схватка. Однако неравны силы. Погибли дружинники Евпатия Коловрата. Погиб и сам Коловрат.

Удивлялись после боя монголо-татары. Никак не могли понять: откуда вдруг взялись русские. Под Рязанью же все погибли.

Нашелся один с фантазией:

– Знаю! Ожили они из мертвых. Из мертвых встали. – И принялся утверждать, показывая на одного из дружинников Коловрата: – Вон тот – с бородой. Я его сам заколол на стенах Рязани.

И второй Батыев воин стал утверждать, что встретил в этом бою сраженного ранее русского.

И третий встретил, и пятый...

Поражались ханские воины, как это люди из мертвых живыми стали. Поверили они в магическую силу своих врагов. Долго еще монголо-татары и здесь, и в других боях всматривались в лица погибших русских. А вдруг поднимется снова русский.

Геройством дружинников Евпатия Коловрата был поражен и сам хан Батый. Из всех русских воинов тогда осталось в живых всего несколько человек.

Хан Батый приказал их помиловать. И опять тот с фантазией:

– Милуй, не милуй, все равно оживет урус!

Княгиня Евпраксия и княжич Иван

Было это перед началом боев за Рязань. Прослышал хан Батый, что у сына рязанского князя Юрия Игоревича, Федора Юрьевича, жена красавица.

Звали ее Евпраксия.

Хочется хану Батю на русскую красавицу глянуть.

Сложилось так, что встретились вдруг молодой князь Федор Юрьевич с ханом Батыем. Еще до начала штурма Рязани послал отец-князь князя-сына к хану Батю с предложением мира.

– Говорят, жена у тебя красавица, – обратился хан Батый к молодому князю.

Засмутился Федор, пожал плечами.

– Красавица, красавица, – повторил Батый. И тут же: – Привези! Покажи!

Смутился Федор еще больше. Княгиня Евпраксия была совсем молодой и верно – очень красивой. Рязанские парни специально бегали посмотреть на юную княгиню. Княжеские дружинники Евпраксией любовались. Бородатые деды и те:

– Не помним такой красавицы.

Даже рязанские женщины в один голос:

– Небывалой она красоты.

Вот и хану Батыю его приближенные прожужжали уши:

– Красавица. Красавица.

Посмотрел вновь на Федора хан Батый:

– Покажи!

Вовсе смутился Федор. Очень любил он свою Евпраксию. Боялся ее потерять. У княгини только что родился маленький сын, княжич Иван. К тому же существовало в то время на Руси такое поверье: нельзя показывать своих жен мужчинам чужой, нехристианской веры. Монголо-татары были язычниками.

Отказался молодой князь Федор показать хану Батыю свою жену. Побагровел, покраснел, позеленел хан Батый:

– Ах, так!

Разгневался хан Батый, приказал умертвить князя Федора Юрьевича.

Дошла страшная весть о смерти мужа до молодой княгини. Прижала она к груди младенца крошечного Ивана.

– Ироды!

Билась долго неутешная вдова в слезах и крике. Не выдержала Евпраксия разлуки с любимым мужем. Не хотела, чтобы маленький княжич врагам достался. Поднялась она на высокую башню княжеского терема. Взяла в руки сына и бросилась вниз.

Погибли Евпраксия и княжич Иван.

Похоронили люди князя Федора Юрьевича, княгиню Евпраксию и их сына Ивана в родной земле на высоком месте. На могилах поставили большие каменные кресты.

Далеко видны кресты и могилы. Пеший пройдет – перекрестится. Конный проедет – задержится. Туча проплывет по небу – слезы прольет на землю.

Кушак

Банту и Танту – два ханских воина.

Приземист, коренаст, широкогруд Банту.

Еще приземистее, еще коренастее, еще более широкогруд Танту. Конь у Банту пегой масти.

Конь у Танту еще более пегий.

Боевой топор у Банту с большим топорищем.

У топора Танту топорище еще длиннее.

Идет монголо-татарское войско из-под Рязани к Владимиру. Спорят Банту и Танту, сдается ли Владимир ханским войскам без боя или быть битве у стен Владимира.

– Сдается Владимир, – сказал Банту.

– Быть битве, – сказал Танту.

– Не будет, не будет битвы, – твердит Банту. – Без боя откроют урусы городские ворота.

– Быть битве, – твердит Танту. – Не сдаются урусы без битвы. Решили побиться они об заклад. Облюбовали цветной кушак.

Ударили по рукам. Кто окажется прав, тому и кушак нарядный. Едут Банту и Танту, гадают:

– Быть битве.

– Откроют русские ворота.

– Падут на колени.

– Принесут дары.

Подожли монголо-татары к Владимиру. Переправились по льду через речку Клязьму. Вот он, город. Вот крепостные стены. Вот сторожевые башни. Вот он, главный вход в город, – Золотые ворота. Остановились монголо-татары перед Золотыми воротами. Кричат, как тогда при штурме Рязани:

– Сдавайтесь!

– Сдавайтесь!

Не отвечают владимирцы.

– Быть битве, – решает Танту.

– Откроют ворота, – уверен Банту.

Прав оказался Банту. Открылись ворота. Вышли вперед русские.

– Мой кушак! – закричал Банту. – Сейчас урусы падут на колени. Сейчас принесут дары.

Однако не пали русские на колени. Подняли луки. Тетиву натянули. Полетели стрелы навстречу врагам.

Сражен был стрелой Банту.

Сражен был стрелой Танту.

Никому не достался кушак нарядный.

Молодые князья

Пожалел князь владимирский Юрий Всеволодович, что не пришел он в свое время на помощь князю рязанскому Юрию Игоревичу. Да было поздно...

Окружили монголо-татары Владимир со всех сторон. Подтащили стенобитные и камнеметательные машины. Начали штурм города.

Самого князя Юрия Всеволодовича во Владимире не было. Находился он недалеко от Волги, на реке Сити. Собирал войско для борьбы с врагами.

В отсутствие князя оборону Владимира возглавили опытный воевода Петр Ослядюкович и сыновья Юрия Всеволодовича, юные князья Мстислав и Всеволод. Оба они молодые, решительные. Рвутся с врагами в бой.

Сдерживает их, оберегает воевода Петр Ослядюкович:

– Не спешите. Не спешите!

Надеется воевода, что вот-вот подойдет князь Юрий Всеволодович с вновь набранным войском, разобьет монголо-татар, снимет осаду с города.

Сражаются владимирцы, ожидают помощи.

Не поспела вовремя помощь. Проломив владимирские стены, монголо-татары ворвались в город. Завязалась рукопашная схватка. Молодые князья схватились за боевые мечи.

Не удерживал их теперь воевода Петр Ослядюкович. Все бились тогда с врагами.

Вышел вперед юный князь Мстислав. Вышел вперед юный князь Всеволод. Подняли мечи высоко над головами. Устремились на ханских воинов.

Бьется князь Мстислав. Удары направо. Удары налево. Удары прямо перед собой.

Бьется князь Всеволод. Удары направо. Удары налево. Удары прямо перед собой.

Оторопели ханские воины. Стали отходить под ударами грозных мечей. Вот пробились молодые князья к городским воротам. Вот вышли в открытое поле. Продолжают разить врагов. Удары налево. Удары направо. Удары прямо перед собой.

Все было стремительно. Замерли люди. Минута, минута, еще минута. Пришли ордынцы в себя. Устремились они на героев. Окружили со всех сторон. Сражен был князь Мстислав. Сражен был князь Всеволод. Но даже когда пали в бою молодые князья, всем продолжало казаться – взлетают, взлетают, взлетают над полем их боевые мечи и слышится их несмолкаемый звон. Удары направо. Удары налево. Удары прямо перед собой.

Василько

После взятия Владимира монголо-татары двинулись к реке Сити. Тут находилось только что собранное войско владимирского князя Юрия Всеволодовича. Между русскими и воинами хана Батыя произошло новое сражение.

Много русских отличилось в этой битве. Среди героев был и племянник владимирского князя Юрия Всеволодовича, князь Василько.

Отважен князь Василько. Даже хан Батый обратил на него внимание.

Неудачей закончилась для русских битва на реке Сити. В бою погиб князь владимирский Юрий Всеволодович. Князь Василько был ранен. Попал он к монголо-татарам в плен.

Приказал хан Батый привести к нему отважного русского. Долго смотрел. Что-то оценивал. Казалось, даже руками хотел пощупать.

Понравился Василько хану Батыю. Приказал он сохранить князю жизнь. Стал приглашать на службу в свое войско.

– Будь нашим другом, – сказал хан Батый.

Молчит Василько.

– Вернем коня.

Повел отрицательно головой Василько.

– Вернем меч, лук и колчан.

Повел отрицательно головой Василько.

– Командовать самым лучшим нашим отрядом будешь.

Молчит Василько.

– Будь нашим другом. Решай же, – повысил голос Батый.

Молчит Василько.

Мрачнеет, краснеет, зеленеет Батый. Наливаются жилы кровью.

Ответил наконец Василько:

– Враги моей Родины не могут мне быть друзьями.

Махнул хан Батый рукой. Прокричал что-то грозное на своем языке. Подбежали ханские слуги к русскому князю. Изрубили героя.

– Смерть им всем! – еще долго кричал Батый.

Шуба

Растеклись монголо-татары по Руси, как вода в половодье. Только в первый месяц нашего крестового похода кроме Рязани и Владимира они взяли Суздаль, Городец, Галич, Переяславль на Плещеевом озере, Ростов на озере Неро, Ярославль, Юрьев, Дмитров, Тверь, Волок Дамский и другие русские города.

Всюду гибли люди, шел разгром и разбой.

Был среди ханских воинов некто Бабак. Оказался он хитрым и жадным. Еще в Рязани, когда монголо-татары громили какой-то собор, заметил Бабак большой драгоценный камень. Схватил он камень, куда же спрятать? Дело было зимой. Зашил в меховую шубу.

Лежит камень у Бабака поближе к телу. Согревает Бабаку душу.

С этого камня все и пошло. Во Владимире Бабак снова похитил дорогие камни. Опять зашил их в шубу.

Лежат камни в надежном месте. Согревают Бабаку душу.

Потом были Галич и Городец. Пополняется у ханского воина склад награбленного. К камням прибавляется золото и серебро. Тяжелеет шуба.

Потом были Переяславль, Ростов, Ярославль. Все больше и больше добра у Бабака. Отвисают полы у шубы.

Трудно стало Бабаку ходить. Трудно сидеть в седле. Трудно сражаться пикой. Трудно взмахнуть боевым топором.

Однако терпит Бабак все ради своей драгоценной ноши. Лежат богатства в надежном месте. Согревают Бабаку душу.

Кончилось все нежданно.

Переpravлялись монголо-татары у Ярославля через реку Волгу. Угодил Бабак неожиданно в прорубь. Прямо в шубе своей с камнями и золотом бухнул.

– Спасите! – кричит Бабак.

Подбежали другие.

– Шубу скидывай, шубу!

Жалко Бабаку прощаться с шубой. Цепляется он руками за лед. Тянут руки ему товарищи:

– Шубу, скидывай шубу!

Не удержался Бабак. Утянула тяжелая шуба его под лед. Захлебнулся Бабак в воде.

Лежит ханский воин на дне знаменитой русской реки. Шуба при нем и богатства при нем. Согревают Бабаку душу.

Нянька

Не обошли стороной монголо-татары и город Москву. Правда, в те времена Москва была городом небольшим. Можно было тогда только гадать, станет ли Москва современной Москвой. Разве что такое во сне приснится! Была Москва рядовым городом Владимирского княжества.

Город небольшой. Жителей немного. Правил городом воевода Нянька.

Любили горожане своего воеводу. Только и слышится:

– Так велел Нянька.

– Так сказал Нянька.

– У Няньки надо спросить.

– Няньку на свадьбу надобно пригласить.

Вел Нянька городские дела исправно. Жителей не обижал. Если даст слово, его исполнял. Участвовал вместе со всеми в трудах и праздниках.

Умела веселиться тогда Москва. По кругу идут полновесные чаши:

– За город наш славный – Москву!

– За всех горожан: за больших и малых!

Жили москвичи в достатке, помогали друг другу. Гончары кувшины, горшки лепили. Бондари делали бочки: для воды, для солений, для браги. Кузнецы изготавливали обода для тележных колес, подковы, ножи, засовы. Оружейники ковали мечи и латы.

Все вершил в городе, был первым и главным Нянька. По-прежнему в городе любят Няньку.

– Так велел Нянька.

– Так сказал Нянька.

– У Няньки надо спросить.

– На крестины не забыть бы его пригласить.

Но вот беда подкралась к Москве.

– Батый идет! Батый!

Приготовились жители к защите города. Гончары, бондари, кузнецы, оружейники и все другие стали в общий, единый ряд. И здесь первым из первых Нянька.

Но не устояла, как и другие русские города, Москва. Как и другие, одна сражалась. Разгромили монголо-татары Москву. Схватили Няньку.

Погибли тогда сотни москвичей. Погиб и их воевода Филипп Нянька.

Сокрушались те, кто остался в живых:

– Скоро ли новый Нянька у города будет?!

Торжок

Город Торжок. Городок с ноготок. Стоит на холме Торжок. Рядом река Тверда.

Зима. Февраль на дворе. Сковал лед Тверцу. Все в округе укрыто пушистым снегом.

После разгрома Рязани, Владимира, Ярославля, Твери, Москвы и других русских городов хан Батый решил идти на север, на прославленный Новгород.

Новгород – город старинный, древний. Город былинный, сказочный. Богат он церквями, резными теремами. Богат золотом и мехами. Богат торговыми людьми и привозными товарами.

– Нов-го-род! – мечтает о скорой добыче хан Батый.

Мечтают о богатом городе и ханские воины. Вот где их ждет пожива.

На пути к Новгороду и стоял у монголо-татар Торжок.

Надеялся хан Батый, что либо сдастся Торжок без боя, либо штурмом возьмет он город за один-два дня.

Не сдался Торжок без боя.

Прошла неделя. Стоит Торжок. Атакуют монголо-татары город:

– Сдавайтесь!

– Сдавайтесь! – кричат защитникам.

Не сдаются люди. Стоит Торжок.

Мрачнеет, краснеет, зеленеет хан Батый. Наливаются жилы кровью.

Смотрит Батый с тревогой на небо. На смену февралю пришел месяц март. Заулыбалось на небе солнце. Наступает весна. Скоро – капель, распутица. Растают снега. Ручьи превратятся в реки. Нелегкой будет дорога к богатому Новгороду.

Две недели держался упрямо Торжок. Перебив почти всех жителей, монголо-татары наконец ворвались в город.

Не дав войскам отдохнуть, хан Батый двинул свои отряды дальше на север.

Тяжелой была дорога. Места здесь лесные, болотистые. Непроходимые. Много озер. Всадники то в глубоких снегах проваливались, то трясины и вскрывшиеся топи затягивали лошадей. Леса стояли угрюмые. Дорога была зловещей.

Мрачнел хан Батый, мрачнел. Понимает Батый: задержал их Торжок, упущено время. Не пробиться ему весной через леса и топи.

До Новгорода оставалось сто верст. Остановил хан Батый войска. День простоял. Думал. Наконец дал команду повернуть назад.

Снова монголо-татары прошли через Торжок. Недовольный, злой сидел на коне Батый. Приказал он до основания разрушить упрямый город.

Погиб Торжок, но спас от разгрома Новгород.

Он и нынче стоит на реке Тверце. Славный Торжок. Торжок-городок. Городок с ноготок.

Ишка

– Чудо! Чудо! – кричала тетка Устинья.

Прибежала на крики соседка тетка Арина.

– Чудо! Чудо! – закричала тетка Арина.

Приковыляла бабка Анфуса.

– Чудо! Чудо! – зашепелявила бабка Анфуса.

Притащились деды Ждан и Семейка.

– Непонятное что-то, – сказали деды.

Непонятым, непривычным для русской деревни оказался верблюд. Вся деревня сбегалась смотреть на чудо.

В армии хана Батыя были лошади, быки, волы, буйволы, были и неизвестные в русских местах верблюды. Вот один из таких верблюдов и оказался рядом с русской деревней, мимо которой недавно прошли монголо-татары. Верблюд был то ли болен, то ли пришиблен чем-то в недавнем бою. Бросили, видно, монголо-татары горбатого.

Верблюд лежал близ дороги, зло косил на людей, угрожающе водил головой.

Кто-то сказал:

– Батый.

Батый отлежался. Поднялся на ноги. Забрали крестьяне его в деревню. Стал Батый привыкать к новой жизни.

Прежде всего подружился с местной дворнягой Шариком. Стал как-то Шарик носиться вокруг верблюда. Бегаёт. Лает. Не понравилось это Батыю. Выбрал верблюд момент, собрал слюну – плюнул в Шарика.

Раз плюнул. Попал.

Второй раз плюнул. Попал.

А в третий уже не попал. Изловчился, увернулся Шарик. И как Батый ни старался, пес был проворнее. Устал, приостыл верблюд. А вскоре и вовсе сдружился с Шариком.

Ступает верблюд. Рядом важно ступает Шарик.

И с деревенскими ребятами верблюд сдружился. И с бабкой Анфусой. И с теткой Ариной. И с теткой Устиньей. И со стариками Жданом и Семейкой. Даже сдружился с упрямым мужиком Варнавой. Началось и здесь с того, что плюнул Батый в Варнаву. Обозлился Варнава, приблизился к верблюжьей морде и сам плюнул в Батыя. Верблюд снова плюнул. И мужик плюнул. Стоят они и плюются друг в друга. Первым устал верблюд. Перестал он плевать. Перестал и Варнава.

– Батыя осилил! Батыя осилил! – смеются люди.

Короче – прижился верблюд в деревне. Перестал плевать. Стал помогать деревенским жителям. Воду с реки, дрова из леса возил. Начали его впрягать в телегу, в сани, в соху. Стал он спокойным, мирным и добрым. В общем, совсем не похож на Батыя. Переименовали его крестьяне. Стали звать Ишкой.

Бату

После неудачи с Новгородом хан Батый быстро пошел на юг. Здесь солнце щедрее. Здесь небеса голубее. Богаче земля.

Улучшилось настроение у хана Батыя. В южные русские княжества совершают войска поход. Весна. Природа вокруг зеленеет. И Батыевы воины глядят веселее. И кони бегут резвее. И птица какая-то в небе вьется.

Заметил птицу Батый. Засмотрелся. То взвьется пичуга к солнцу, то падает камнем вниз. То устремится над полем к лесу, то стрелою назад несется, то повиснет, зазвенит прямо над головой Батыя. Хорошо ей в небесном море.

Едет Батый верхом на коне, вспоминает детство. Вспоминает отца своего, хана Джучи. Вспоминает деда – грозного Чингисхана. Устроил дед как-то экзамен маленькому Батыю. Степное поле. Пригорок. Стоит на пригорке Чингисхан с приближенными. Бату, так звали Батыя в детстве, скачет верхом на коне. Бату всего лишь четыре года. Дед пришел посмотреть на успехи внука.

Несется конь с мальчиком по степному кругу. Ухватился Бату руками за конскую гриву. Уперся пятками в бока лошади. Держится. Прошел конь рысью, прошел иноходью, прошел галопом. Круг. Еще круг. Еще круг. Удержался Бату на лошади. Подъехал к деду. Сняли Бату с коня. Доволен Чингисхан. Похлопал мальчика по плечу:

– Молодец. Славным воином вижу!

Устроил Чингисхан и второе испытание внуку. Вручили Бату аркан. Выпустили скакуна.

– Ну-ка, Бату, не зевай!

Правда, скакуном был всего-навсего жеребенок по кличке Ной.

Ловко кинул Бату аркан.

– Стой! Ни с места! Попался Ной!

Дернул Ной мальчишку в отместку копытом. Не вскрикнул. Выдержал. Не скривился Бату.

Похвалил и на этот раз Чингисхан внука.

И еще один экзамен сдавал Бату деду в тот день. Вручили взрослые мальчику лук и стрелы. Установили мишень. Поднял Бату лук со стрелой. Натянул тетиву. Прицелился. Отпустил тетиву. Устремилась стрела к цели.

– Попал! Попал!

Снова поднял Бату свой лук. Вновь натянул тетиву. Рванулась стрела. И – в цель.

– Молодец! Молодец! Славным воином вижу! – вновь произнес Чингисхан.

Много лет прошло с той поры. Едет хан Батый по широкому русскому полю. Смотрит на движущихся всадников. Хорошее настроение у хана Батыя.

Вдруг что-то метнулось над головой у хана. Поднял глаза – так это же птица та самая. Не отстаёт пичуга от ханского войска. Кружит, звенит над самим Батыем.

Не удержался Батый. Схватил лук. Направил стрелу на птицу. Целит. Целит. Прищурил глаз. Целит. Целит. Отпустил тетиву. Сразила стрела несчастную птицу. Рухнула та на землю к ногам Батыя. Улыбнулся Батый. И вдруг...

И вдруг как-то враз помрачнело небо. Вдруг как-то померкло солнце. Прохладный ветер ужалил в спину.

Сошла улыбка с лица Батыя. Без радости дальше ехал. Даже без всякой причины плеткой коня ударил.

Злой город

«Злой город» – так называли монголо-татары русский город Козельск.

Двигутся монголо-татары на юг. Козельск перед ними. Подумаешь, город Козельск!

– Мы его шапками закидаем! – кричат монголо-татары.

– С землей копытами наши кони его сровняют!

Город Козельск. Князем Козельска в те годы был мальчик. Центральная площадь города. Верхом на боевом коне сидит малолеток князь. Имя его Василий.

Приготовились жители города к обороне. Поклялись умереть, защищая родную русскую землю и своего князя. Хорошо виден всем мальчик-князь.

– Все на защиту города!

– Все на защиту князя!

Сдержали слово свое горожане. Семь недель осаждали враги Козельск. Не могли взять. Среди ханских воинов даже пошел слух, что, мол, это мальчик-князь, сидящий верхом на боевом коне, охраняет город. Мол, в нем какая-то особая сила.

Даже хан Батый подъехал к стенам города. Верно, сидит верхом на боевом коне непри-
вычный князь.

Прошла весна. Отпели соловьи в городских садах. Лето стоит над Козельском. Штурмуют по-прежнему монголо-татары городские стены. Неколебимо стоит Козельск.

Подтянули монголо-татары к городу стенобитные орудия. Не помогли орудия. Пошло на штурм сразу несколько тысяч ханских воинов. Четыре тысячи из них полегли в бою.

Упорно защищались горожане. Забыли монголо-татары про шапки, которыми хотели закидать Козельск. Забыли про коней, которыми хотели растоптать город.

Хан Батый даже собирался уйти от Козельска. Однако не привыкли монголо-татары отступать.

Штурм Козельска продолжался. Капля камень долбит. Трут выбивает огнище. Так и тут, под Козельском. Одолели все же монголо-татары город. Ворвались в Козельск. Рубили, резали все живое.

Погиб на улицах Козельска и мальчик-князь Василий. Говорили, что он утонул в крови.

Смотрел хан Батый на побитых воинов: на своих, на русских.

«Злой город», – процедил хан Батый сквозь зубы. Часто потом вспоминал Козельск.

«Злой», – повторял Батый.

Карась

У монголо-татар были особые пики. Пики как пики. Длинные, острые. Однако у многих на конце рядом с жалом был сделан крючок. Такой пикой монголо-татарский воин не только колот врага, но и мог на крючок подцепить добычу.

Поначалу не все из русских про такой крючок знали. Ратник Епифан Ноздря как раз на крючок и попался.

Сошелся он как-то в бою с монголо-татарским всадником. У Епифана Ноздри пика, и у ханского воина пика. Сидят они верхом на конях. Пытаются сразить пикой один другого.

Двинет пикой Ноздря, двинет пикой монголо-татарский воин.

Оба ловкие, оба умелые. И кони к бою на пиках у них приучены.

Двинет пикой Ноздря, двинет пикой монголо-татарский воин.

Дело было в открытом поле. Разъедутся в разные стороны противники. И вот несутся навстречу друг другу. Пики готовы к бою.

Двинет пикой Ноздря, двинет пикой монголо-татарский воин.

Носились, носились они по полю. Ни к кому не идет удача. Возможно, устав, с миром бы они разошлись. Да только в последний момент подцепил ханский воин Епифана Ноздю крючком. Дернул он пику на себя. И вот Ноздря, как карась, рыбаку достался.

Правда, не успел монгол прибить русича до конца. Изловчился Ноздря, извернулся, сам сдернул с коня противника. Сошлись они в рукопашной схватке. В рукопашной и осилил Ноздря врага.

Достался конь ему, досталось седло, досталась и пика.

Смотрел Епифан на пику:

– Хитро, хитро!

Вернулся Ноздря к своим, рассказал про бой, показал коня, показал пику. Смотрели другие, тоже дивились:

– Хитро, хитро!

Все хорошо. Быть бы Ноздре при славе. Да только до шуток русский народ охочий. Кто-то сказал:

– Выходит, ты, как карась, на уду попался.

– Карась! Карась! – рассмеялись другие.

Стали с той поры Епифана Ноздю называть Карасем.

Обижался Епифан:

– Ноздря я. Ноздря!

– Нет – карась! – смеются люди. – Карась – раз на уду попался.

Так и проходил Епифан Ноздря в Карасях до смерти.

Одна радость, что монголо-татарскую пику добыл. Удобной оказалась для боя пика.

Веселое молоко

Вскоре после Козельска хан Батый отошел в Приазовские степи. Снова сражался с половцами. Совершил поход на Северный Кавказ. Потом остановился в низовьях Дона. Дал отдых своим войскам.

Расседлали монголо-татары коней, распрягли буйволов и верблюдов. Установили юрты. Разложили костры.

Оказался в это время в одном из ханских отрядов русский мальчишка Савейка. Попал он к монголо-татарам случайно, по собственной глупости. Шустрым был. Матери и отца не очень слушался.

Проходили монголо-татары через их селение. Все жители забились в дома. Притихли. И Савейке сказали:

– Сиди. Замри. Не выходи из дома.

Однако не усадил мальчишка. Выскочил он на улицу. Интересно на конных глянуть. Вот и подхватил его один из Батыевых всадников. Бросил к себе в седло. Прощай, родной дом и родители.

Накричался Савейка, набрыкался. Наплакался. Потом смирился. Привезли монголо-татары его на Дон. Началась новая жизнь у Савейки.

Поражался мальчик непривычным порядкам. Не в домах жили монголо-татары. В юртах. Сплетали их из прутьев. Затем покрывали войлоком. Сверху в юрте оставляли дыру. Это вроде как окно – и свет проникает в юрту, и свежий воздух.

Любил Савейка смотреть в дыру-окно. Особенно ночью. Лежит мальчишка, запрокинул голову. В небе манят, мерцают звезды. Не спит Савейка, мечтает об отчем доме.

Для тепла монголо-татары разжигали в юртах костер. Дым уходил все в ту же дыру в потолке. Любил и за дымом следить Савейка. Тянется, тянется кверху дым, в небе бездонном тает. Улететь бы в трубу за дымом.

Многому поражался мальчишка. Оказалось – монголо-татары мясо едят несоленным. Оказалось – из всей еды самая частая у них жидкая просяная каша. Едят ее утром. Едят днем. Вечером перед сном. Замучила мальчика противная каша. Поперек горла стоит. Не лезет. Сплюнул как-то мальчик остаток каши и тут же удар получил по шее:

– Ешь!

Как-то случилось, разлил он чуть-чуть молока. И снова удар по шее:

– Не разливай!

Строги, бережливы монголо-татары. Друг перед другом честны. Однажды один из ханских воинов украл у другого какой-то забавный старинный ножик. «Вот бы и мне такой», – подумал еще Савейка. Кража вскрылась. Долго монголо-татары били плетью виновного, а потом отвели его в степь, связали и бросили на съедение дикому зверю. Три дня после этого не мог спокойно уснуть Савейка. Все представлял себя.

Еще одно поразило мальчика. Монголо-татары не ели хлеба. «Как же – без хлеба!» – поражался мальчишка. Не привык он к такой еде.

А однажды Савейка кумыс, лошадиное молоко, попробовал. Оказалось оно чуть солоновато, чуть горьковато. Зато потом... Закружилась у мальчика неожиданно голова. Стало Савейке вдруг весело-весело. Выпил еще кумыса – еще веселее. А когда пошел – зашатался. За воздух руками смешно хватался, даже на четвереньки стал. Веселились монголо-татары, знают: кумыс – молоко хмельное. Подвело Савейку веселое молоко.

Не обижали монголо-татары Савейку. Относились приветливо. Видимо, глядя на него, вспоминали свои семьи, своих сыновей, оставленных где-то за тысячи верст отсюда. Научили они Савейку скакать верхом на коне, научили ловко бросать аркан, научили метко стрелять из лука. Хвалили мальчика монголо-татары:

– Молодец, славным воином будешь! – Точь-в-точь такие слова старый Чингисхан говорил своему внуку Вату.

И все же не смог привыкнуть мальчик к новой для него жизни. Очень скучал по родному дому. Как-то темной ночью, вскочив верхом на коня, сбежал Савейка.

С трудом он добрался домой к родителям. Подрос, изменился мальчик за это время. Мать не признала. Отец не признал. Пес дворовый со злобой тявкнул. О многом рассказал Савейка. Про юрты, несоленное мясо, про хлеб, противную кашу, про хмельной кумыс.

Хотел рассказать и про сворованный нож. Но промолчал. Передумал. Уж больно страшной была история.

Встретились

Простояв почти год в донских степях, хан Батый продолжил свой поход в южные русские земли.

Как раз накануне похода к хану Батыю прибыло пополнение. Молодые азартные воины. В числе прибывших Тудэв и Сюдэв. Одногодки, близняшки, братья. С детской люльки они неразлучны. С малых лет на конях скакали, ловко стреляли из луков, метко метали копья. Рвутся Тудэв и Сюдэв в свой первый бой. Мечтают о победах, о славе.

Монголо-татары начали свой новый поход сразу на два русских города – Чернигов и Переяславль. Это уже второй Переяславль на пути хана Батыя. Первый – северный, тот, что недалеко от Москвы, на Плещеевом озере, – он разорил еще во время боев за Рязань и Владимир.

Довольны Тудэв и Сюдэв, что идут в поход. Правда, оказались они в разных отрядах. Тудэв – в том, что отправлялся на город Чернигов, Сюдэв – в том, что должен был обрушиться на Переяславль. Попрощались близняшки-братья.

– До скорой встречи! – кричал Тудэв.

– До скорой встречи! – отвечал Сюдэв.

Двигается монголо-татарский отряд к Чернигову. Вспоминает брата Тудэв:

– Как там к Переяславлю идет Сюдэв?

Двигается монголо-татарский отряд к Переяславлю.

Вспоминает брата Сюдэв:

– Как там Тудэв шагает к Чернигову?

Представляют молодые бойцы, как они ринутся в первый бой. Как прокричат победу. Как после победы друг с другом встретятся.

Город Чернигов стоит на реке Десне. Город Переяславль – на реке Трубеж.

Подходят монголо-татары к Десне и к Трубежу.

– Как там Сюдэв на Трубеже? – гадают Тудэв.

– Как там Тудэв на Десне? – гадают Сюдэв.

Подошли монголо-татары к Переяславлю, разгромили княжеские дружины, ворвались в город.

Мечтал Сюдэв о первой победе. Однако молодому воину не повезло. Погиб он еще до победы, в самом начале боя. Пал в схватке прямо на берегу Трубежа. Подхватили Сюдэва речные волны. Понесли вниз по течению.

Разгромили монголо-татары и черниговские дружины, взяли город Чернигов. Мечтал Тудэв о своей первой победе. Но и ему не повезло. Пал и он еще в самом начале боя. Погиб в схватке прямо на берегу Десны. Подхватили Тудэва речные волны, понесли вниз по течению.

Река Десна впадает в широкий Днепр. И река Трубеж тоже впадает в Днепр. Соединяются их воды в одном потоке. Доплыл до Днепра Тудэв. Доплыл до Днепра Сюдэв.

Встретились, как и мечтали, близнецы-братья. Плынут они вместе вниз по Днепру. Словно в детской люльке, Днепр их тела качает.

Плакал

Без края, без края, без края Днепр. Знаменитые днепровские кручи. Днепровский спуск. Здесь на правом, высоком, берегу Днепра стоит Киев – мать городов русских.

Отсюда пошла великая Русь. Тут крестилась великая Русь. Вещий Олег, тот, чей щит на вратах Цареграда, князь Игорь, княгиня Ольга, князь Святослав, тот, что «иду на вы», князь Владимир Ясное Солнышко, князь Ярослав Мудрый. Это всё Киев. Знаменитая шапка Мономаха – тоже Киев.

Взяв города Переяславль и Чернигов, хан Батый пошел на Киев.

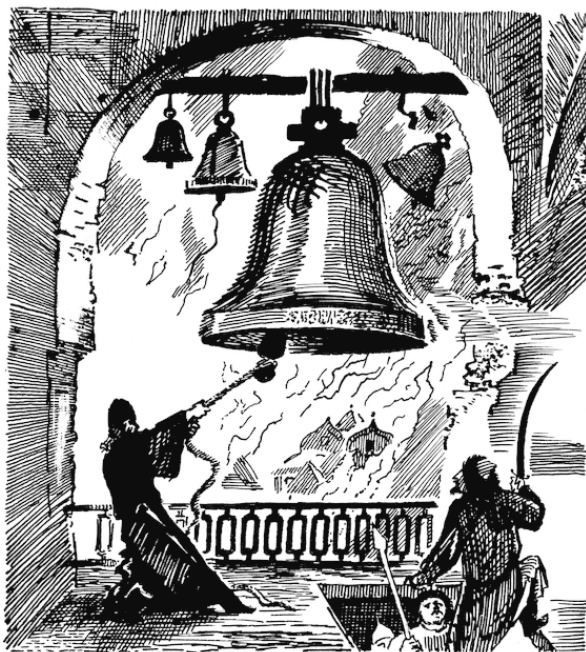
– Идут! Идут! – понеслось со сторожевых башен и стен киевского кремля.

Заклубился пылью левый, низкий, днепровский берег. Переправились монголо-татары через Днепр. Окружили Киев. Страшный гомон стоял вокруг города. Ржали ханские лошади. Ревели волы. Кричали верблюды. Доносился многоголосый говор солдат Батыя.

Монголо-татары начали штурм городской стены. Били, били стенобитные орудия в стены города. Держится Киев. Долбили, долбили. Не поддаются стены.

Мрачнеет, краснеет, зеленеет хан Батый. Глаза наливаются кровью.

Добились наконец своего монголо-татары. Пробили одну из стен. Бои завязались на улицах Киева.

Два дня упорно оборонялся Киев. Были разрушены и Лядские – одни из основных ворот, и другие ворота города. Были сожжены и лучшие церкви города – Десятинная, Богородичная. Была разрушена и знаменитая Печёрская лавра. Лишь при каком-то ее соборе сохранилась часть колокольни. И на ней уцелел всего лишь один колокол. Горел, полыхал Киев. Кто-то из оставшихся в живых монахов поднялся на колокольню на самый верх. Ударил в колокол.

Звенел колокол. Звенел колокол. Плакал.

Крест

В Киеве на одном из соборов Печёрской лавры возвышался огромный церковный крест. Поражал он всех красотой и величием.

Далеко отовсюду виден Печёрский крест.

Когда монголо-татары громили Киев, не пощадили они Печёрскую лавру, не пощадили и красавца на высоком церковном куполе.

Ворвались они на территорию лавры. Бросились к главному собору. Тут же вместе со всеми ханский воин Мамат.

Смотрят монголо-татары на крест. Прошел среди них слух, что крест сделан из чистого золота.

– Золотой он, – шепчет Мамат. – Золотой. Из чистого золота кованный.

Раздались крики:

– Сбрасывай крест!

Хотел Мамат вместе со всеми бежать наверх, на купол собора, к кресту. Потом подумал и остался внизу. Ждет, когда золотой крест сам ему под ноги свалится. Много таких, как Мамат, внизу собралось.

Добрались монголо-татарские смельчаки до самого верха. Стали раскачивать крест.

Не дается Печёрский крест.

– Сильнее! Сильнее! – снизу кричит Мамат.

– Дружнее! Дружнее! – кричат другие.

Чуть накренился крест. Рухнет – не рухнет. Рухнет – не рухнет. Нет, удержался снова. Не дается Печёрский крест.

Кто-то с испугом:

– А может, не трогать?

– Может, накажет Небо?

Но тут же другие крики:

– Да он же из золота! Сбрасывай!

– Еще раз! Еще! – не умолкает толпа.

– Вали! – громче всех голосит Мамат.

Не выдержал крест напора. Дрогнул. Снова дрогнул. Качнулся и повалился вниз.

Летит он, словно птица, раскинув крылья. Ринулись стоявшие внизу люди в разные стороны. Рванулся и Мамат. Да не успел.

Был Мамат – и нет Мамата. Прибил Мамата Печёрский крест.

Спорили в Ладыжине

После разгрома Киева монголо-татары дальше пошли на запад. Ханские войска окружили город Ладыжин. Пытались они взять город штурмом. Не получилось.

Спорили в тот день в Ладыжине, как поступить. Монголо-татары предложили сдать город без дальнейшего боя. Обещали, что тогда не тронут они горожан. Не разграбят богатства Ладыжина.

Разбились в Ладыжине мнения.

Одни были за то, чтобы город сдать.

– Силы у нас не те. Не удержим мы больше город.

– Ворога – что саранчи в поле, что комаров в небе.

Другие:

– Обороняться и дальше надо. Стоять за святую землю.

– Не верьте злодеям. Не будет от них пощады.

– Вдруг да Господь поможет.

Жители Пунька Косой и Ратмирка Рябой тоже вместе со всеми спорили. Хоть и соседи они, хоть и друзья и приятели, однако с малых лет поперечные. Вечные спорщики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.